

ИГОРЬ ЕРЕМИН



ХЛЕБ

Что же вы дурачитесь, ребята,
Белый мякиш на столе кроша?
Или хлеб не мил?.. А я когда-то
Брал его, как пряник, не дыша...

Черный, он и рос на черноземе.
И понять не трудно было мне:
Чтобы пахло свежим хлебом в доме,
Надо поработать на земле.

Вот машу кнутом я над лошадкой,
Сам спешу, хотя и мал ходок.
Трогает мои босые пятки
Пашни послезимний холодок.

У отца в помощниках недаром:
Он за плугом, я за бороной.
Как нектаром, дышит сладким паром
Поле наше в пору посевной.

Мне и летом, сколько ни резвиться,
А сюда не потерять тропы.
Рожь отколосится — косовица!
И опять — вязать, возить снопы.

В дробном перестуке обмолота
В лад с другими мой взлетает цеп.
Серебром по телу капли пота,
Золотом у ног рассыпан хлеб.

А закончим страдную неделю,
Тут уж нам и хлебы-калачи.
Плавню, как вагоны из туннеля,
Противни выходят из печи.

Как он сладок, теплый бок горбушки!
Я ведь потому и рос, и креп,
Что хорош и с молоком из кружки,
И с водою вкусен черный хлеб.

Я и нынче, по привыкший к сдобам,
От него за то не отрекусь,
Что не хлебоедом — хлебобором
Постигал и суть его, и вкус.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Что ж вы, бабы, у завалинки
Встали, глядя, как на свой,
На конвертик этот маленький
С меткой почты полевой?

А жене — как с мужем свидеться,
Коли встречи с ним иной
В скором разе не предвидится.
Дайте ж ей побыть одной!

И она — сынишку на руки,
Из сеней в закут, кругом
Через поле, через яруги,
К ближней рощице — бегом...

Словно воду пьет до донышка
Из ковша, а с первых строк:
«Красно солнышко Аленушка,
Ясный месяц мой сынок!

Как живете, как здоровьице?..»
Не слова, а пенье струн.
И Алена остановится,
И всплакнет: — А был молчун...

Что ж ему, родному, вспомнилось
Там, под небом огненным?
Как душа его наполнилась
Словом ясным и живым?

Знать, привязанностью древнею
Повлекло сюда бойца,
К каждой тропке за деревнею,
К каждой травке у крыльца:

Как ты тут, его сторонущка,
Где, бывало, босиком
Шла по травушке Аленушка
С ясным месяцем сынком?

Как поля с несжатым колосом
От войны огородить?..
Человеку полным голосом
Захотелось говорить.

И простые, непритворные
Сами шли, как в рост трава,
Эти образы фольклорные,
Эти русские слова.

СОБКОР

Я, хоть не опытен и робок,
Нов для меня в тайгу маршрут,
Но форс держу. Пусть парни в робах
Поймут: и я не промах тут.

И те, понятно, понимают
И, затевая разговор:
— Вот ты, а был, — припоминают, —
И до тебя у нас собкор.

И все-то — наспех, как нарочно,
Пером почиркал и — в седло.
Мы понимаем — надо срочно,
Да хоть простился бы тепло...

В меня ли «камешки» кидают?..
Но, уважая всякий труд,
— А ты пиши, — они кивают
И на гидравлику ведут.

Да, мол, расписывай не слишком!
И будет их рассказ скупой
О том, как шли за золотишком,
Тянули реку за собой.

Шли сквозь тайгу, меняя русло,
Как сквозь железное кольцо,
И уставали не от груза —
От гнуса, жгущего лицо.

И вот река — как ни ворчала,
Пришлось, однако, распахнуть
Сквозь первобытное начало
Свою трудящуюся суть...

Нет, дело — ох, как не простое!..
А сколько мне еще расти,
Чтоб правды слово золотое
Вот так почувствовать в горсти?

* * *

Мне говорят: упрямство выкинь
И паруса, чудак, сверни.
Накрывшись ими, спи, как викинг
В ладье в безветренные дни.

Мне говорят... А я за весла
Берусь, как за свою судьбу,
И сквозь безветренные весны
К далеким пристаням гребу.

Скрипят уключины, и жгуче
В ладонь врезается весло.
Мне нелегко, но все же лучше,
Чем если б просто не везло.

Мне нелегко.

Но что за участь,
Когда бы глупо повезло:
В надежде на счастливый случай
Без цели по ветру несло?!

* * *

Снимите шапки, как в священном храме!
Вы входите в зеленый храм тайги,
Где вечность разговаривает с вами
Простым кивком и кедра, и ольхи.

И ни души...

Скажи, в котором веке
Ты очутился, слабый человек?..
Здесь шелест тише, чем в библиотеке,
Здесь тишина, как в фондах фонотек.

Нет, тишину не называйте мертвой,
Ведь мертвой не бывает тишины.
Как дирижер с рукою распростертой,
Ель окрыленно смотрит с вышины.

Мертво лишь то, что суетно по-птичьи.
Душа моя, не суетись, замри.
В твоём, тайга, возвышенном величье
Запечатлен органнй вздох земли.

Природа — нет, она не подавляет,
Она возвыситься хочет до себя.
И музыкою вас переполняет,
И кедры к небу тянутся, трубя!

г. Белогорск.

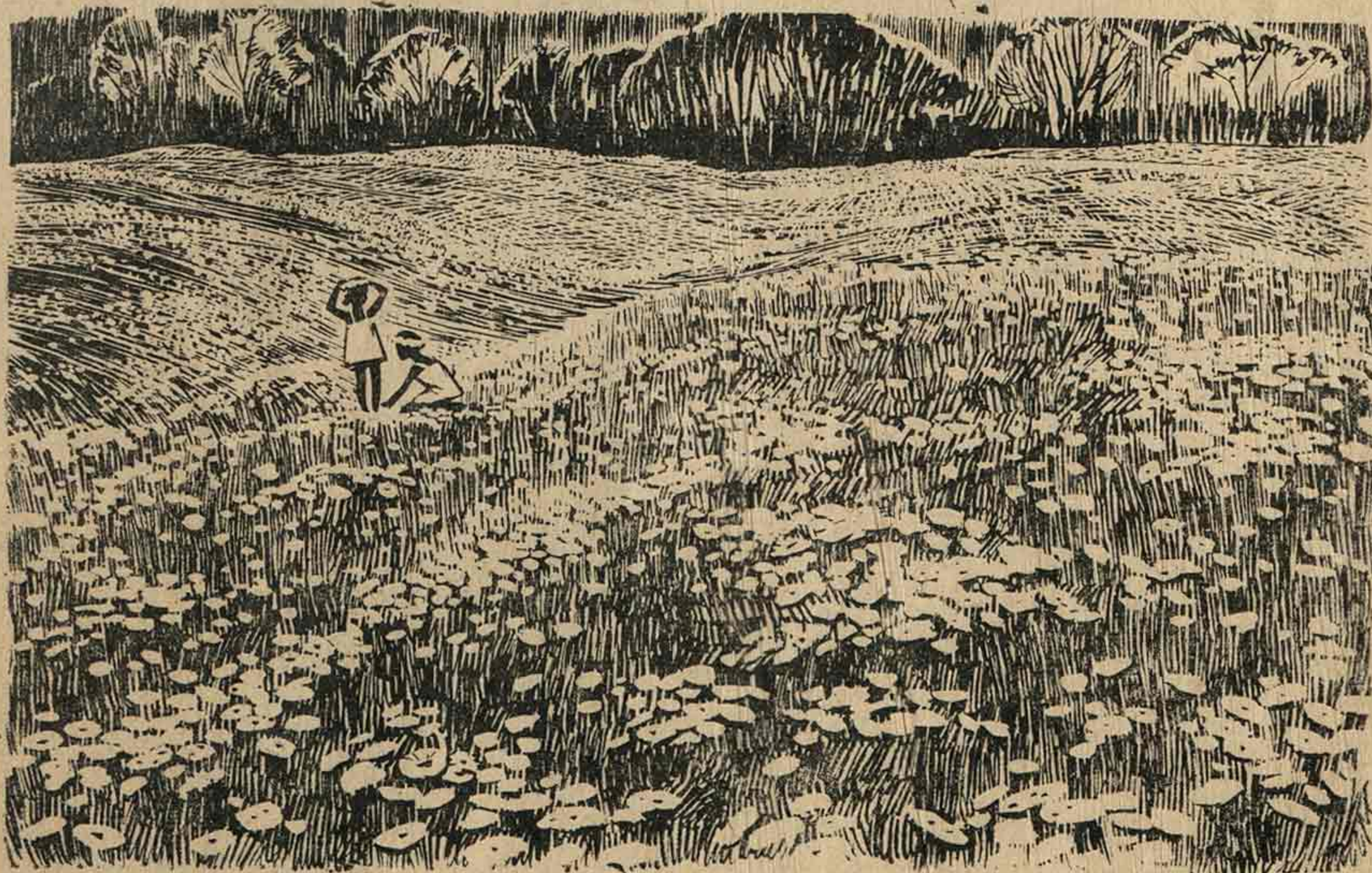


Рис. Л. Шатона